

**АЛЕКСЕЙ
ЕФИМОВ**

**ПОЖИЗНЕННЫЙ
СРОК**

Серия «10 ЖИЗНЕЙ. ШОК-ИСТОРИИ» #1

10 жизней. Шок-истории

Алексей Ефимов

Пожизненный срок

«Издательские решения»

Ефимов А.

Пожизненный срок / А. Ефимов — «Издательские решения», — (10 жизней. Шок-истории)

ISBN 978-5-44-745735-8

Пожизненно осужденный. Нимфоманка. Убийца Достоевского. Беременная женщина в бегах. Робкий любитель порно. Девушка, переболевшая раком. Десять связанных друг с другом жизней, десять невероятных историй, которые можно читать вместе и по отдельности. История первая. «Пожизненный срок». Жуткая история пожизненно осужденного, основанная на реальных событиях. О ежедневной пытке в колонии особого режима на краю мира, в чистилище, откуда нет выхода.

ISBN 978-5-44-745735-8

© Ефимов А.
© Издательские решения

Пожизненный срок

Серия «10 жизней. Шок-истории» #1

Алексей Ефимов

© Алексей Ефимов, 2016

ISBN 978-5-4474-5735-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я не увижу реку. Я не сяду в трамвай. Я не влюблюсь в женщину.

Я осужден к пожизненному лишению свободы.

ПЖ хуже смерти. Ежедневная пытка жизнью, заиклившейся в себе, в зоне особого режима, на краю мира. Лучше умереть трижды, чем быть здесь. Долгое умирание. Долгая, страшно гуманная смерть. Чистилище, откуда нет выхода. Неважно, молод ты или стар, раскаялся или нет – ты будешь тут до конца своих дней. Десять лет, двадцать, тридцать – не имеет значения. Время остановилось. Здесь точно знаешь, что будет завтра. Завтра – это сегодня. Сегодня – это вчера. Подъем в шесть. Туалет. Заправка коек. Зарядка. Завтрак. Уборка камеры. Утренняя проверка. Обход медработником. Обед. Прогулка в каменной яме, закрытой сверху решеткой. Ужин. Вечерняя проверка. Личное время. Отбой в десять.

Условно-досрочное освобождение через двадцать пять лет – сказка, в которую верят. Еще одна сказка – гуманизация Уголовного кодекса с заменой пожизненного на обычный большой срок. Надеются даже те, на ком столько трупов, что и двух ПЖ мало. Для них это способ выжить. Надежда – последнее, что остается у человека, который все потерял. Все, кроме жизни.

Я не надеюсь.

Я не выйду отсюда. Столько тут не живут. Или все же надеюсь? Сложно сказать. Лучше не думать об этом. Запретив себе думать о будущем, я живу настоящим. Будущее точь-в-точь как сегодня. По инструкции, на автомате. Нарушение – карцер. С системой надо смириться, стать ее частью. Нет гордости, нет чувства собственного достоинства, нет человека. Есть инструкция. Есть особый режим. Есть хозяин, полковник ФСИН, человек, в общем-то, неплохой, но жесткий и черствый. Иначе никак. Он не может быть добрым, он тоже здесь выживает. Не принимать близко к сердцу – главное правило.

Здесь все равны. Здесь мы никто.

Террористы, маньяки, бандиты, просто убийцы – контингент ПЖ. Нас уже нет. Когда-то нам стреляли в затылок, вычеркивая из жизни, но изверги-гуманисты сделали свое дело. Нас нет, но мы живы.

Трудно быть тем, кого нет. За пределами этих стен нас проклинали, но мы не слышим даже проклятий. Мертвая тишина. Полная изоляция. Нам не пишут. К нам не приходят. Самое страшное в ПЖ – одиночество. Родственники и друзья стараются нас забыть. Мы – помним все.

У меня есть дочь. Я ей пишу раз в неделю. За семь лет, что я здесь, она ни разу мне не ответила, ни разу не навестила. Мне положены два свидания в год – не было ни одного. Я ее понимаю. Трудно жить с мыслью о том, что я изверг и душегуб. Мы не ладили с ней многие годы, а после ареста виделись только в суде. Она спрашивала глазами, а я опускал взгляд. Сидя в клетке, я говорил, что я ни в чем не виновен; адвокат, нанятый государством, тоже так говорил, а дочь поняла. Она не пришла на оглашение приговора. В тот день я так

волновался, что меня вырвало у автозака. Били дубинкой. Дали пожизненное. Страшный был день.

Мать приехала бы, но ее нет в живых. Она умерла за год до ареста. Она знала, что я алкоголик, но не знает, что я стал убийцей.

Отца у меня не было.

Не было и друзей.

Я был одинок даже на воле. Я пил, чтобы справиться с жизнью. Справился бы. Я был бы мертв. Инфаркт, цирроз, панкреатит, рвота в легких – множество вариантов. Попав сюда, я спас себе жизнь. Я много думал об этом, благо есть время.

Для тюремщиков мы не люди. Мы головная боль. Нас боятся и ненавидят. Мы НЕлюди. Звери. Нас изолировали от общества и друг от друга. Учли каждую мелочь. Побег невозможен. Камера – клетка в клетке. Между нами и дверью – прутья решетки. Стоит звякнуть ключу, как мы уже в позе, в «исходной» на местном жаргоне: наклон вперед, руки назад, темя упирается в стену, ладони вывернуты, пальцы раздвинуты. Зеки-лебеди. Все гениальное просто. Чувствуете беспомощность, граждане душегубы? Вас выдрессировали как зверей. Выпусти вас из зверинца через двадцать пять лет – сдохнете тут же без клетки. Монстры, которым УДО не светит, надеются на побег. Они знают, что не сбегут, но их грезы – все, что у них есть. «Склонные к побегу и суициду» – стенд в коридоре. Справа от камер – фото с краткими биографиями: кто сколько убил и при каких обстоятельствах. Чтоб тюремщики не расслаблялись. Профилактика человечности и сострадания, здесь неуместных. Помните, кто перед вами. Мне дали прочесть наши истории. Я не узнал себя. Я не узнал сокамерников. Мне стало страшно. Я плохо спал ночью. Мне снились трупы. Кровь. Трехлетний мальчик, зверски убитый и сброшенный в туалет где-то в деревне. У соседей семь душ на двоих. Оба надеются на УДО. Мечтают о новой жизни. Думают, встретятся там, за колючкой, в две тысячи тридцать третьем. Их не выпустят. Им не место на воле.

О себе расскажу позже. Может быть.

Мы пятимся задом к решетке, не разгибаясь. По очереди. По команде.

Щелк! – Наручники за спиной.

«На выход по одному!»

Выходим из камеры. Выпархиваем как лебеди. Не разгибаясь, руки вывернуты как на дыбе. Взгляд – строго в пол. Вновь затылком к стене, теперь в коридоре. Дернешься, плохо нагнешься, плохо выкрутишь руки – врежут дубинкой. Все справедливо.

Нас ощупывают, нам заглядывают под язык.

Трое конвойных и пес. Он не сводит с нас глаз. Он знает, как мы опасны. Нам терять нечего. Двум срокам не бывать, одного не миновать. «Психическое расстройство, не исключающее вменяемости» – у большинства это есть. У меня – нет. Тем не менее, я здесь. Я тоже убийца. Меня тоже вычеркнули из жизни.

Кстати, о справедливости.

ПЖ – единственное наказание, одинаковое для всех. Не имеет значения, сколько на ком трупов. Маньяк, убивший сорок шесть человек с особой жестокостью, случайный убийца, вляпавшийся по пьяни, – разницы нет: ни в сроке, ни в условиях содержания. Первый десяток – на строгом (два свидания, две передачи в год), далее – послабления, если будешь пай-мальчиком. Больше посылок, больше свиданий. Для меня и для многих других ничего не изменится. Нет посылок. Нет свиданий. Нет и не будет.

Ад – он один для всех. Справедливо ли?

Да.

Знаете, почему? Все здесь заслуженно. Не стоит кивать на тех, на ком больше крови, граждане душегубы. Думайте о себе. Здесь, по ту сторону жизни, «больше» не имеет значения. Вы за чертой. Вы одинаковы. Не воздать вам по заслугам: ни маньяку, ни простому убийце. Два ПЖ невозможны. Бросьте ваши жалкие жизни на одну чашу весов, а на другую – жизни тех, кого вы убили, – что покажут весы? Видите, все справедливо. Нет, вы не хотите видеть. У вас своя правда. Вас засудили, это ошибка, вам здесь не место. Приговор слишком строгий. Я слышал это от каждого. Иные дошли до крайности: долго убеждая других в собственной невинности, сами себе поверили. Защитная реакция, любой психолог (в этом случае – психиатр) все объяснит. Возьмите, к примеру, Крышкина. Он и Волков – мои сокамерники. Крышкин – бывший браток, член солнцевской ОПГ, выживший в девяностых. Он убил пятерых. Что бы вы думали? Он невиновен. Он не мог не убить. Это была война. Или ты, или тебя. Боссы отдавали приказы. У Крышкина не было выбора. Жена, двое детей – что было бы с ними, не выполни он приказ? Он убивал братков, в том числе и своих. Чистил землю от скверны. Нет на нем крови агнцев. Он тут вместо спасибо. Глупо, несправедливо.

Трехлетний мальчик и его мать – счет Кости Волкова. К счастью, он не нашел себе оправдания. Да, он виновен. Крупко выпив, он изнасиловал и убил женщину; потом, решив спяну, что мальчик его опознает (тот выбежал из спальни на крик), убил и его. Восемь ударов ножом. Трупы сброшены в туалет. Когда его взяли, он сразу во всем сознался. За мальчика дали пожизненное. Он считает – несправедливо. Он не маньяк. Не террорист. Он раскаивается. Он мог бы вернуться в общество. Ему нужен шанс.

По мнению Крышкина, Волков заслужил ПЖ; по мнению Волкова – Крышкин. Нормальная ситуация. Как-то раз, слово за слово, они крепко сцепились. Ругались тихо, сквозь зубы, о драке и речи быть не могло. За драку сажают в карцер – с записью в личной карточке и с дубинкой для профилактики. Плохо само по себе, но худшее в том, что это аукнется в будущем: при решении вопроса об условиях содержания и об условно-досрочном ОСВОБОЖДЕНИИ. Не хочешь ли в одиночную камеру? В ней тихо сходят с ума, буйные успокаиваются, становятся овощами. Нет. Никто не хочет туда, даже маньяки. Гнить в карцере тоже не дело. Нельзя бросить вызов системе, если ты ее часть и всех твоих сил не хватит на то, чтоб сдвинуть хоть камень в мощной каменной кладке. Лучше смириться и подчиниться. Так проще жить.

До вселения к нам Волков сидел с маньяком. Там, чуть дальше по коридору. Этот маньяк, Душкин – второй после Ч., ныне покойного. Ч. расстреляли, Душкина – нет. Общество ныне гуманно. Душкин умный, спокойный – по нему и не скажешь, что грохнул сорок шесть человек в парке на юге Москвы. Он не насиловал, не расчленял – просто убивал молотком. «Они родились для того, чтоб я их убил, такая у них судьба», – так сказал он. Он зверь. Ему место в клетке. Ему, а не Волкову. Волков его боялся. Он не спал по ночам, весь липкий от пота, но вскорости успокоился и стал хорошо спать. У зверя нет молотка. Он даже приятен в общении. Он любит читать, слушать по радио музыку и не треплется много о том, как убивал. Редко, под настроение. Всякий раз с философией. Видите ли, он санитар общества. Он чистил город от грязи – от бомжей и алкашей. Он избавлял их от жизни как от обузы. Это его путь, его миссия, если хотите. Он не довел ее до конца. «Сто, двести – я бы не бросил. Мне нравилось убивать. Поймав меня, вы многих спасли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.